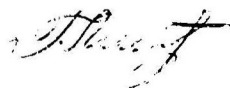

0- 782971

На правах рукописи

МУХАРЛЯМОВА Гульназ Нурфатовна

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ТАТАРСКОЙ ПРОЗЫ 20-30-х ГОДОВ XX ВЕКА**

10.01.02 – Литература народов Российской Федерации
(татарская литература)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2010

Работа выполнена на кафедре татарской литературы государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет».

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Яхин Фарит Закиязнович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Шарипов Анвар Магданурович

кандидат филологических наук, доцент
Мухамметшин Зуфар Гумарович

Ведущая организация – ГОУ ВПО «Елабужский государственный педагогический институт»

Защита состоится ~~«27»~~ мая 2010 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212.078.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО «Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет» по адресу: 420021, г. Казань, ул. Татарстана, 2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет».

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ГОУ ВПО «Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет» «27» апреля 2010 года

Режим доступа: <http://www.tggpu.ru>.

Автореферат разослан «27» апреля 2010 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
профессор

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000726936

Р.Г.Мухаметдинова

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Современное литературоведение и литературная критика предполагают новый подход к рассмотрению и анализу произведений татарской литературы, созданных в советскую эпоху. Наибольшие разногласия вызывают, как правило, произведения, написанные после Октябрьского переворота, в годы становления советского государства, в период, когда власть оказывала огромное идеологическое воздействие на общество и осуществляла строгий контроль над литературой.

Татарская литература 20-30-х годов XX века является объектом изучения истории татарской литературы и литературной критики. С конца прошлого столетия, появилось большое количество трудов, посвященных этому периоду, в которых была предпринята попытка непредвзятой оценки отдельных произведений и литературного процесса в целом¹.

Вместе с тем некоторые аспекты литературы 1920-1930-х гг. не стали к настоящему времени предметом системного изучения с точки зрения исторической поэтики. К их числу относятся пространственно-временные отношения, которые, как известно, являются важной частью художественной картины мира.

Художественное время и пространство играют существенную роль в раскрытии особенностей художественного изображения мира и человека. Пространство и время, «выступая в качестве структурных элементов произведения, выполняют задачи, далеко выходящие за рамки структурообразования: способствуют типизации, укрупнению определенных сторон отображаемой действительности, усилению эстетического воздействия произведения, фокусировке внимания на главной идее произведения, выражению этических и идейных сторон художественного образа языком пространственно-временных символов»². Кроме того, каждой исторической эпохе свойственно своеобразное изображение художественного пространства и времени, и, следовательно, изучение пространственно-временных отношений в литературе позволяет выявить особенности представлений о мире и человеке в ту или иную эпоху.

Степень изученности темы. Начиная с 1990-х гг. в исследованиях по истории татарской литературы значительное внимание уделяется изучению

¹ Галимуллин Ф.Г. Эле без туганчы... / Ф.Г. Галимуллин. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – 320 б.; Хатипов Ф.М. Мөлкәтебезне барлаганда: Ижат портретлары, тәнкыйди-теоретик мәкаләләр / Ф.М. Хатипов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. – 272 б.; Галиуллин Т.Н. Дыхание времени / Т.Н. Галиуллин. – Казань: Татар. кн. изд-во., 1979. – 304 с.

² Слепухов Г.Н. Пространственно-временная организация художественного произведения / Г.Н. Слепухов // Философские науки, 1984. – № 1. – С. 65.

пространственно-временных отношений. В исследованиях А.М. Саяповой³, В.Р. Аминовой⁴, Д.Ф. Загидуллиной⁵ хронотоп рассматривается как составная часть поэтики произведений, причем зачастую исследователи связывают ту или иную модель художественного времени и пространства с культурно-историческим контекстом и с инвариантами для национальной культуры способами восприятия пространства и времени. В частности, в монографии А.М. Саяповой и статьях Д.Ф. Загидуллиной и В.Р. Аминовой ставится вопрос о влиянии суфизма на художественное время и пространство в творчестве ряда татарских писателей.

Вместе с тем в большинстве случаев интерес исследователей сосредотачивается на изучении пространственно-временных отношений в татарской литературе начала XX века, преимущественно, в модернистской литературе. В отдельных трудах предметом изучения становятся художественное время и пространство в литературе 1960-1980-х гг. и в современной литературе⁶. Специальных трудов по изучению пространственно-временных отношений в татарской литературе 1920-1930-х гг. к настоящему времени не написано.

Объектом исследования являются произведения татарских прозаиков 1920-1930-х годов, такие как Г. Ибрагимов «Наши дни» (1920), «Красные

³ Саяпова А.М. Дардменд и проблема символизма в татарской литературе / А.М. Саяпова. – Казань: Изд. «Алма-Лит», 2006. – 246 с.

⁴ Әминова В.Р. Әдәби әсәрдә хронотопны билгеләү / В.Р. Әминова // Әдәби әсәргә анализ ясау: Урта гомуми белем бирү мәктәбе укучылары, укытучылар, педагогика колледжлары һәм югары уку йортлары студентлары өчен кулланма / Д.Ф. Заһидуллина, М.И. Ибраһимов, В.Р. Әминова. – Казан: Мәгариф, 2005. – Б. 50-71.; Аминова, В. Р. Суфийский код поэтики повести Г. Рахима "Идель": к постановке проблемы / В. Р. Аминова // Суфизм как социокультурное явление в российской умме: Материалы Всероссийской научно-критической конференции (Казань, 21 ноября 2006). - Нижний Новгород: Издательский дом "Медина", 2007. - С. 142-159.

⁵ Заһидуллина Д.Ф. Әдәби вакыт һәм әдәби урын / Д.Ф. Заһидуллина // Татар әдәбияты: Теория. Тарих. – Казан: Мәгариф, 2006. – Б. 32-34.

⁶ Заһидуллина Д.Ф. Яна дулкында (1980-2000 еллар татар прозасында традицияләр һәм яңачалык) / Д.Ф. Заһидуллина. – Казан: Мәгариф, 2006. – 255 б.; Батталова А.Д. Эволюция образа дома в татарской драматургии: 1960–2000 гг. Дис. ... канд. филол. наук / А.Д. Батталова. – Казань, 2006. – 175 с.; Ибрагимов М.И. А.Гыйләжевның "Өч аршин жир" повестенда мифологик катлам / М.И. Ибрагимов // Заһидуллина Д.Ф. Әдәби әсәр: Өйрәнәбез һәм анализ ясайбыз: Урта гомуми белем бирү мәктәбе укучылары, укытучылар, педагогика колледжлары һәм югары уку йортлары студентлары өчен кулланма / Д.Ф. Заһидуллина, В.Р. Әминова, М.И. Ибрагимов. – Казан: Мәгариф, 2007. – С.53–59; Ибрагимов М.И. Ф. Бәйрәмованың "Канатсыз акчарлаклар" повестенда ансызлык архетиплары / М.И. Ибрагимов // Заһидуллина Д.Ф. Әдәби әсәр: Өйрәнәбез һәм анализ ясайбыз: Урта гомуми белем бирү мәктәбе укучылары, укытучылар, педагогика колледжлары һәм югары уку йортлары студентлары өчен кулланма / Д.Ф. Заһидуллина, В.Р. Әминова, М.И. Ибрагимов. – Казан: Мәгариф, 2007. – С. 20-24.

цветы» (1922), «Глубокие корни» (1928), Ш. Камал «На заре» (1927), «Когда рождается прекрасное» (1937), Ш. Усманов «Путь легиона» (1921-1935), Г. Исхаки «Дорога домой» (1922), «Осень» (1923), Г. Рахим «Идель» (1922), К. Наджми «Весенние ветры» (1928-1948), М. Галю «Кровавые знаки» (1934), М. Амир «Агидель» (1935), А. Кутуй «Неотосланные письма» (1935). Выбор произведений с целью исследования обусловлен не только их значимостью в литературе изучаемого периода, но и учетом в них способов изображения действительности.

Предметом исследования выступает специфика художественного времени и пространства в татарской прозе 1920-1930-х годов.

Цель исследования – выявление специфики пространственно-временных отношений в произведениях татарской прозы, созданных в 20-30-е годы XX века.

Для достижения этой цели в диссертации были поставлены следующие **задачи**:

- исследование художественного времени и пространства как формально-содержательных категорий в их взаимосвязи в прозе 1920-1930-х гг.;

- выявление инварианта пространственно-временных отношений в прозе 1920-1930-х гг. и его трансформаций в творчестве отдельных писателей;

- выделение важнейших хронотопических образов в литературных произведениях изучаемого периода;

- выявление смыслообразующей функции основных хронотопов, в выбранных для анализа произведениях.

Методы исследования. В работе используется культурно-исторический метод: пространственно-временные отношения в татарской прозе 1920-1930-х гг. рассматриваются в контексте исторических процессов указанного периода. Типологический подход позволяет на основании сравнения ряда произведений выявить типы хронотопов в татарской прозе изучаемого периода.

Методологической основой и теоретической базой исследования являются: труды по философии, учение о хронотопе, относящиеся к проблеме исследования труды ведущих литературоведов, таких как М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, А.М. Мостепаненко Р.А. Зобов, Н. Гей, Ф.П. Федоров, В.Н. Топоров, Д.С. Лихачев, А.Я. Гуревич, Н.Э. Фаликова⁷ и др. Из татарских теоретиков

---

⁷ Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе / М.М. Бахтин // Вопросы литературы. – М., 1975. – С. 234-407; Бахтин М.М. Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1986. – 541 с.; Бахтин М. Эпос и роман / М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000. – 304 с.; Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Ю.М. Лотман. - М.: Просвещение, 1988. – С. 325-348; Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 383

литературы и литературных критиков автор диссертации опирается на исследования Ф.М. Хатипова, Ф.Г. Галимуллина, А.М. Саяповой, Д.Ф. Загидуллиной, В.Р. Аминовой, А.М. Закирзянова⁸ и др., в которых изучаются проблемы особенностей развития татарской литературы, а также роли хронотопа в литературном процессе.

Научная новизна и теоретическая значимость диссертационного исследования состоят в том, что в нем впервые системно исследуется пространственно-временная организация произведений татарской прозы 20-30-х годов XX века, в ходе которого выявляются типы хронотопов в татарской литературе указанного периода.

Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы и результаты диссертации могут быть использованы при разработке лекционных курсов по истории татарской литературы 20-30-х годов XX века, спецкурсах по анализу художественного текста, а также в возможности использования разработанной в ходе исследования методики анализа хронотопа художественного текста для рассмотрения произведений других периодов развития татарской литературы.

Достоверность и обоснованность результатов работы обеспечивается всесторонним изучением проблемы, основательной методологической базой и многосторонностью исследования.

с.; Зобов Р.А., Мостепаненко А.М. О типологии пространственно-временных отношений в сфере искусства / Р.А. Зобов, А.М. Мостепаненко // Ритм, пространство и время. – Ленинград: Наука, 1974. – С. 11-25; Гей Н.К. Художественность литературы. Поэтика. Стиль / Н.К. Гей. – М., 1975. – 471 с.; Лихачев Д.С. Поэтика художественного пространства // Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. – М., 1979. – С. 235-351; Топоров В.Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М., 1983. – С. 227-284.; Федоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время / Ф.П. Федоров. – Рига: Зинате, 1988. – 454 с.; Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – 2-е изд, исправл. и доп. / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.; Фаликова Н.Э. Хронотоп как категория исторической поэтики / Н.Э. Фаликова // Проблемы исторической поэтики. – Петрозаводск, 1992. – С.45-57

⁸ Хатипов Ф.М. Мөлкәтебезне барлаганда: Ижат портретлары, тәнкыйди-теоретик мәкаләләр / Ф.М. Хатипов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. – 272 б.; Хатипов Ф.М. Әдәбият теориясе / Ф.М. Хатипов. – Казан: Мәгариф, 2000. – 351 б.; Галимуллин Ф.Г. Әле без туганчы... / Ф.Г. Галимуллин. – Казан: Татар.кит. нәшр., 2001. – 320 б.; Заһидуллина Д.Ф. Әдәби вакыт һәм әдәби урын / Д.Ф.Заһидуллина // Татар әдәбияты: Теория. Тарих. – Казан: Мәгариф, 2006. – Б. 32-34; Әминев В.Р. Әдәби эсәрдә хронотопны билгеләү / В.Р. Әминев // Әдәби эсәргә анализ ясау: Урта гомуми белем бирү мәктәбе укучылары, укытучылар, педагогика колледжлары һәм югары уку йортлары студентлары өчен кулланма / Д.Ф. Заһидуллина, М.И. Ибраһимов, В.Р. Әминев. – Казан: Мәгариф, 2005. – Б. 50-71; Закиржанов Ә.М. Яңарыш юлыннан (Хәзерге татар әдәбият белеме мәсьәләләре) / Ә.М. Закиржанов. – Казан: Татар.кит.нәшр., 2008. – 303 б.

Апробация основных результатов исследования осуществлялась в виде докладов, сообщений диссертанта на итоговых научно-практических конференциях Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета (2007, 2008), на II Всероссийской научно-практической конференции «Тумашевские чтения: актуальные проблемы развития языка, фольклора, литературы, искусства сибирских татар» (2008), на международной научно-практической конференции, посвященной 130-летию со дня рождения Г. Исхаки «Творчество Г. Исхаки: современный взгляд» (2008), на VI республиканской научно-практической конференции «Татьянин день» (2009), на региональной научно-практической конференции посвященной 100-летию со дня рождения А. Еники (2009), на международной научно-практической конференции «Татарская культура в контексте европейской цивилизации» (2009). Основные положения диссертационного исследования изложены в 7 публикациях автора.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Изучение художественно-пространственных отношений играет существенную роль в осмыслении процессов в татарской прозе 20-30-х годов XX века.

2. В произведениях татарских авторов 1920-1930-х гг. обнаруживается ряд пространственно-временных оппозиций, основополагающих для художественной картины мира указанного периода: прошлое/настоящее/будущее, темное/светлое, свое/чужое, открытое пространство/закрытое пространство и др.

3. Ряд хронотопических образов приобретает символическое значение, обусловленное культурно-историческим контекстом. Таковы образы пути, артели, коммуны, а также образы с темпоральной семантикой: закат-ночь-рассвет.

4. Своеобразие пространственно-временного континуума в произведениях изучаемого периода отмечается и в использовании перцептуального хронотопа, выражающееся в сравнительно незначительном его соотношении с концептуальным пространством и временем.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы, формулируются его цель и задачи; определяются научная новизна, методологические и теоретические основы, теоретическая и практическая значимость, положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Историческое время и пространство в татарской прозе 20-30-х годов XX века» исследуются пространственно-временные формы изображения исторического времени в татарской прозе 1920-1930-х годов.

В первом параграфе «Изображение исторического времени в татарских эпических произведениях 1920-1930 гг.» рассматривается проблема исторического времени в произведениях 20-30-х годов XX века, определяющееся политическими, общественными и культурными условиями развития страны. История выступает как фон для сюжета, действий персонажей, их взаимоотношений, воздействующий на формирование личности героя.

В произведениях периода 20-30-х годов авторами поднимаются такие проблемы, как судьба человека в переломное революционное время, личность и революция, проблема власти, проблема религии. Социальные противоречия, изображаемые в произведениях указанного периода «с необходимостью раздвигают зримое время в будущее»⁹.

В произведениях художественной литературы, созданных в 1920-1930-е годы, обнаруживается противопоставление прошлого и настоящего. Прошлое – дореволюционное время, настоящее – время становления советской власти. Это противопоставление раскрывается через ряд корреспондирующих между собой семантических оппозиций: старый мир/новый мир, темное/светлое, свое/чужое.

Авторы обращаются к недавнему историческому прошлому, изображают процесс становления нового мира. Это прошлое в произведениях Г. Ибрагимова («Наши дни», «Глубокие корни»), М. Галю («Кровавые знаки»), Ш. Камала («На заре»), К. Наджми («Весенние ветры»), М. Амира («Агидель»), Ш. Усманова («Путь легиона») наделяется атрибутами смутного времени, полного социальных противоречий.

В произведениях подчеркивается, что эти обстоятельства вызвали у народа бурные волнения. Противостояние двух сторон, определяясь оппозицией светлое/темное, выявляет характер событий, особенности художественного времени и пространства в литературных произведениях. Эти характерные черты исторического времени определяют хронотоп революции. Хронотоп революции, приводя все в движение, способствует скоротечности происходящих событий. Во многих произведениях течение времени и динамику событий, их насыщенность определяет оппозиция долго/быстро, что способствует в свою очередь, охарактеризованию исторического времени в переломные моменты страны.

Следует отметить, что историческое время изображается писателями с помощью противопоставлений старое/новое и прошлое/настоящее/будущее. В романе Ш. Камала «На заре» старый мир олицетворяет «кровавый мир рабства, слез и обмана». Сместь его «с лица земли», «перевернуть жизнь вверх дном» и построить новую жизнь «под огромным алым знаменем

---

⁹ Бахтин М.М. Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 216.

борьбы, знаменем, обгаренным кровью» – суть хронотопа революции, в чем проявляется его разрушающе-созидательное значение.

Начавшиеся небольшие колебания среди народа под влиянием определенных социально-экономических, политических предпосылок переросли в большое массовое волнение народа, исторический ход которого уже не в силах было остановить ничто. Это волнение и вылилось в революцию, которое должно было привести народ, по мнению многих, из темного прошлого в светлое будущее.

Оппозиция прошлое/будущее зачастую выражается посредством символических образов, как, например, в романе Г. Ибрагимова «Глубокие корни», в котором прошлое символизирует образ тяжелой, суровой зимы, а будущее ассоциируется с весной, тем временем года, когда все живое в природе просыпается, все оживает, обновляется, наполняется надеждой. Такое осмысление времени характерно в целом для всей литературы 1920-1930-х гг., в которой ценностные приоритеты смещены в сторону будущего. Так, герои романа Ш. Камала «Когда рождается прекрасное», противопоставляя прошлое и будущее, отмечают, что «кончилась пора разрушения. Время начинать строить заново».

Вместе с тем авторы не идеализируют настоящее, раскрывая противоречия новой жизни, что нашло отражение в таких произведениях, как «Глубокие корни» Г. Ибрагимова, «Неотосланные письма» А. Кутуя и др.

В произведениях 20-30-х годов XX века герои зачастую рефлексируют по поводу времени, как, например, герой повести Г. Ибрагимова «Красные цветы», который признается, что «время растащило» их в разные стороны, после чего «между ними образовалась пропасть». Отношение ко времени становится, таким образом, и одним из приемов создания системы образов, в основе которой, как правило, находится прием антитезы.

С темпоральной оппозицией прошлого/будущего связана пространственная оппозиция своего/чужого, выраженная в четком разделении героев на сторонников и противников нового строя. Данное разделение является одним из характерных особенностей хронотопа революции.

Во втором параграфе «Специфика хронотопа дороги в произведениях татарской прозы 1920-1930-х гг.» рассматривается хронотоп дороги в произведениях изучаемого периода. Хронотоп дороги выполняет в произведениях 20-30-х годов XX века сюжетобразующую функцию, но в то же время приобретает символическое значение, становясь символом дороги к светлому будущему. Семантическим вариантом этого символического образа становится образ «большого пути», в котором воплощается идея эпохального исторического пути всей страны. В этой связи обращает на себя внимание характерное для литературы 1920-1930-х гг. подчинение личного общественному, выражаемое и через соотнесение индивидуального жизненного пути героев с «большим путем». Так, в романах

Г. Ибрагимов «Наши дни», К. Наджми «Весенние ветры», Ш.Камала «На заре» дорога олицетворяет сложный и трудный путь, ведущий героев к революции.

Традиционными формами такого соотнесения становится приобщение героев к строительству новой жизни, причем авторы зачастую раскрывают сложные коллизии на пути героев к нему. Так, трудное детство, солдатчина, участие в революционных боях, гражданской войне прямым образом повлияли на судьбу Фахри – героя романа Г. Ибрагимов «Глубокие корни» и подтолкнули его к мысли о необходимости объединения людей.

В хронотопе пути в произведениях 20-30-х годов XX века выделяются горизонтальная и вертикальная проекции. Первая определяется как течение эмпирической жизни в ее бытовых и социальных проявлениях. Вторая – как устремленность героев ввысь, к высоким мечтам и идеалам. Нередко это приводит к неразрешимым противоречиям, к трагедии, смерти героя, как в частности, в судьбе Герая Султанова из романа Г. Ибрагимов «Наши дни», Фахри из романа Г. Ибрагимов «Глубокие корни», Гаяза из повести М. Амира «Агидель», Таджи из дилогии М. Галю «Кровавые знаки».

Среди произведений, в которых преобладает сюжетная функция хронотопа дороги, выделяется роман М. Галю «Кровавые знаки». Герои произведения отправляются в длинный путь на чужбину в Турцию. Этот путь осмысливается как путь из своего мира в чужой. Оппозиция своего/чужого становится в романе одной из смыслообразующих. Хронотоп пути становится и средством раскрытия характеров героев – Сафы и Саджиды.

В создании образа пути авторы зачастую используют художественные детали, как, например, образ придорожного камня в повести Г. Ибрагимов «Красные цветы», который переводит горизонтальную проекцию пути в вертикальную: у камня герой задумывается о своей жизни и приходит к выводу, что «жить так дальше нельзя».

Семантическими вариантами образа дороги в прозе 1920-1930-х гг. становятся тропинка, переулочек, узкая улочка. Писатели показывают, что герои, прежде чем найти свой путь, обрести себя в новой жизни, вынуждены перемещаться по темным улочкам, узким тропинкам, расшатанным лестницам, ходить окольными путями. Г. Ибрагимов в романе «Наши дни» (1920) сравнивает своих героев с путниками, «которые пробиваются к тропе, которая ведет их из дремучего леса, они как бы ощупью искали свою дорогу в сгушавшемся вокруг них мраке».

В литературе 1930-х годов переулочки и узкие улочки становятся уже хронотопами героев-противников новой власти. Так, в романе Ш. Камала «Когда рождается прекрасное» покушавшийся на Саляхи и Мадину Вали-Недоуздок был разоблачен и бежал от комсомольцев «в проулок, что за избушкой старухи Хабиры», за которым начинался «глубокий, так называемый «Эльбяков овраг», болотистый и поросший густым ивняком».

Таким образом, в татарской прозе 20-30-х годов XX века семантика хронотопа дороги определяется культурно-историческим контекстом, актуализирующим мотивы пути к светлому будущему, оппозицию своего и чужого, горизонтальную и вертикальную проекцию пути.

В третьем параграфе «Хронотоп зари (рассвета) в произведениях прозы 20-30-х годов XX века» исследуется хронотопический образ зари. В произведениях татарской прозы 1920-1930-х гг. времена суток зачастую приобретают символическое значение.

Во многих произведениях этого периода главные события, независимо от их характера, происходят преимущественно в ночное время суток. Ночь – это время перед зарей, это время когда задумываются новые планы, совершаются разного рода преступления, покушения и убийства. Так, в романе Г. Ибрагимова «Наши дни» все собрания, обсуждения планов проводятся ночью. Герои привыкли к пространству ночных улиц и хорошо в нем ориентируются. Аресты, отправки в ссылку, на каторгу также приходятся на это время суток. Ночь – это и символ смерти. В романе Г. Ибрагимова «Глубокие корни» героя Фахри убили ночью. Наказание Вали Хасанова было приведено в исполнение также в темное время суток, «его расстреляли ночью в лесу». Героя Султанова – героя романа Г. Ибрагимова «Наши дни» (1920) также казнили также ночью в «низком, мрачном помещении». Убийства членов коммуны ночью описывается и в романе Ш. Камала «Когда рождается прекрасное» (1937). Вечером, перед закатом были казнены комсомольцы и избит Гилязи – герои повести Г. Ибрагимова «Красные цветы».

Ночь – это время принятия сложных решений. Так, герой романа Г. Ибрагимова «Наши дни» Баязит проводит беспокойную ночь, размышляя о своем положении. Утром, после долгих и мучительных раздумий он принимает важное и в то же время страшное решение: «Я дал себе твердое слово поехать в деревню и убить отца!».

Часто в прозе 1920-1930-х гг. встречается оппозиция день/ночь, один из членов которой (ночь) воспринимается героями в соотнесении с прошлым или мрачным настоящим, в то время, как другой (день) – со светлым будущим. В романе Г. Ибрагимова «Наши дни» Зариф Булат в записке Герее Султанову пишет, что «на исходе мрачные часы темной душной ночи... эти черные ночи не вечны... наш день наступит вновь».

Хронотоп зари встречается в большинстве произведений татарской прозы 20-30-х годов прошлого столетия. «Образ зари, символизирующий величие «пленительного счастья», во всей полноте раскрыл в татарской литературе свой социальный смысл и поэтическую красоту именно в дни социалистической революции»¹⁰, – писал в свое время Г. Халит. Заря выступает не только как время суток, но и как пробуждение новой

---

¹⁰ Халит Г. У истоков татарской советской литературы / Г. Халит // История татарской советской литературы. – М.: Наука, 1965. – С. 31.

общественной мысли, новых идеалов. В романе Ш. Камала «На заре» (1927) этот символический образ, вынесенный в сильную позицию текста (в его заглавие) становится смыслообразующим.

Заря – часто встречающийся образ в романе Г. Ибрагимова «Наши дни» (1920), символизирующий время перемен, начало светлого будущего. Узники тюрьмы надеются, что рассвет принесет им освобождение от тюремных оков: за ночью, «словно стараясь пробудить бледными своими лучами, засветилась заря. И вот на пыльных стеклах, на ржавой решетке тюремного окошка заиграл свет яркого весеннего солнца...».

Вместе с тем семантика образа зари часто определяется оппозицией прошлого и будущего. В дореволюционное время рассвет – это время суток, приносящее рабочим беспокойство, ведь с зарей нужно подниматься и идти на работу. После революции свет зари освещает коммунистам дорогу.

Хронотоп зари определяет оппозиция рассвет/закат. Если рассвет, приобретая в большинстве случаев символическое значение, понимается как рождение новой жизни, то закат, соответственно ассоциируется с исчезновением старой, прошлой жизни. Например, в повести М. Амира «Агидель» (1935) Гаяз с Ильясом в гостях у кулака Низами замечают, что «солнце еще не зашло, но здесь, среди густых деревьев было сумрачно и прохладно».

Хронотоп зари в свою очередь, связан с хронотопом порога, который должны перешагнуть литературные герои, идя навстречу новой жизни. Порог является так называемой границей между той и другой жизнью, между прошлым и будущим.

Во второй главе «Типы пространства в произведениях татарской прозы 20-30-х годов XX века» рассматриваются формы пространственной организации текстов татарской прозы 1920-1930-х гг. В произведениях можно условно выделить два типа пространства: открытое и замкнутое пространства, каждый из которых выполняет сюжетобразующую функцию, а также несет серьезную смысловую нагрузку.

Среди образов открытого пространства выделяется хронотоп реки. В романе Г. Ибрагимова «Глубокие корни» река Волга символизирует путь страны: ее необъятность, полноводность, быстрота, и в то же время извилистость, бурный характер, ее величие характеризуют всю сложность и противоречивость общественной жизни.

В повестях М. Амира «Агидель», Г. Рахима «Идель», Г. Ибрагимова «Красные цветы» хронотоп реки отождествляется с жизненным путем героев романа. Изменения, происходящие на этой могучей великой реке, указывают и на изменения в жизни литературных героев.

В повести Г. Рахима «Идель» река Волга отождествляется с течением жизни, определяя ее непрерывность и бесконечность. Бесконечный путь реки Белой в повести М. Амира «Агидель» говорит не только о бесконечности жизни, но и о масштабности происходящих в стране перемен. В романе К.

Наджми «Весенние воды» с помощью хронотопических образов рек Казанки и Волги писатель старается показать жизнь простого народа во всех ее лишениях. Красота описываемого пространства реки Сакмара в романе Ш. Камала «Когда рождается прекрасное» указывает на красоту помыслов литературных героев, которые хотят на ее берегах организовать свое коллективное хозяйство.

С хронотопом реки тесно связаны хронотопы пристани и парохода. Следует подчеркнуть, что хронотоп пристани выступает в произведениях в разных значениях. Так, пристань в повести Г. Исхаки «Осень» – это место (1923) встречи героев, в повести А. Кутуя «Неотосланные письма», напротив, соотносится с мотивом расставания, становясь своего рода границей между прошлой и будущей жизнью главной героини.

Связанный с хронотопом реки, хронотоп парохода в повести Г. Исхаки «Осень» является местом развития событий. В повестях А. Кутуя «Неотосланные письма», Г. Рахима «Идель» пароход выполняет функцию средства перемещения героев из одного пространства в другое. В повести А. Кутуя «Неотосланные письма» пароход становится местом духовного преображения героини, где она мысленно расстается с темным прошлым и устремляется в светлое будущее. В романе К. Наджми «Весенние ветры» пароход становится символом изменений, которые должны произойти в жизни героев.

Хронотоп леса используется в произведениях, описывающих события послереволюционного времени, в частности в романах Г.Ибрагимова «Наши дни», К. Наджми «Весенние ветры». Данный хронотоп указывает на светлое будущее героев, будущее страны.

Особое место в произведениях 20-30-х годов XX века занимает хронотоп сада. В повести М. Амира «Агидель» сад становится символом светлого будущего, также как и в романах Г. Ибрагимова «Глубокие корни», Ш. Камала «Когда рождается прекрасное». В романтической повести Г. Рахима «Идель» данный хронотопический образ дает возможность проследить также за календарным временем.

Замкнутое пространство в литературных произведениях изучаемого периода представлено не только такими широко распространенными формами, как дом, комната, но и характерными для того времени хронотопами артели, совхоза, коммуны и др. Такое своеобразие хронотопического ряда объясняется общественно-политическими взглядами художников слова, стремлением их к раскрытию особенностей общественной жизни той эпохи.

В произведениях Г. Ибрагимова («Глубокие корни»), Ш. Камала («Когда рождается прекрасное»), повести М. Амира («Агидель») создается ситуация сотворения нового пространства: коммуны, совхоза, артели и пр. Эти пространства выступают как своего рода модели новой общественной жизни.

Прием создания в романе Г. Ибрагимова «Глубокие корни» старого пространства в преобразованном новом пространстве, прошлого в будущем способствует, в свою очередь, показу противоречивой сущности исторического времени, места и роли отдельной личности в нем, а также отношения этой личности к тем или иным событиям.

Еще один распространенный тип закрытого пространства в литературе изучаемого периода – тюрьма, тюремная камера. Хронотоп царской тюрьмы занимает большое место в романах Г.Ибрагимова «Наши дни», К. Наджи «Весенние ветры». Писатели характеризуют пространство тюрьмы как тесное, темное, сырое. Обязательный атрибут пространства тюремной камеры «забранное решеткой», «зарешеченное» окно выступает как символ несвободы. В то же время «ясное» небо за решеткой становится символом надежды.

В романе Г. Ибрагимова «Наши дни» используется прием трансформации пространства, под которым понимается «изменение законов функционирования пространства и предметов в нем»¹¹, когда на недолгое время «грязная камера с железной решеткой в окне», где сидит герой произведения Баязит становится похожей в «обычное жилье бедных студентов».

В произведениях наблюдается и сжатие замкнутого пространства тюрьмы, которое дается, определяясь оппозициями просторный/тесный, светлый/темный, в виде одного из его компонентов – карцера, еще более тесного и узкого пространства.

В произведениях изучаемого периода большое распространение получают хронотопы, связанные с местом проживания человека: дом, хибарка, лачуга, комната, казарма, барак. При этом следует отметить, что авторы часто противопоставляют жилища богатых и бедных.

Во многих произведениях «устанавливается отношения взаимозависимости»¹², в ходе которых хронотоп дома (комнаты) характеризует его хозяина, или, наоборот, по хозяину можно сказать, где и как он живет. Говоря другими словами, комнаты героев пронизаны их личностным существованием, то есть являются средством раскрытия характера героев, их внутреннего мира.

В соответствии с советской мифологией изображаемое в произведениях татарских авторов 1920-1930-х гг. пространство часто содержит сакральные предметы, в первую очередь – портрет В.И. Ленина.

Из хронотопов, представляющих собой в произведениях изучаемого периода жилище человека следует отметить и места временного его

---

¹¹ Фролова О.Е. Пространство повествовательного художественного текста / О.Е.Фролова // Лингвистика на рубеже эпох: идеи и топосы. Сборник статей. – М.: Изд-во РГГУ, 2001. – С. 161.

¹² Указанная работа. – С. 155.

пребывания – барак и казарму. В романе К. Наджми «Весенние ветры» теснота, мрачность наряду с огромными помещениями казармы определяют не только удручающее положение героев, но и отображают их душевное состояние. Все это подталкивает их к выражению протеста против тяжелых условий существования. Замкнутое пространство барака олицетворяет тяжелую жизнь рабочих в дореволюционное время.

В произведениях Г. Ибрагимова «Наши дни», «Красные цветы», М. Амира «Агидель» встречается также хронотоп площади. В данном случае площадь – это пространство, куда собирается много народа, поэтому оно, становясь все более тесным, приобретает черты замкнутого. Более того площадь в произведениях рассматривается как место, где «совершаются события кризисов, падений, воскресений, обновлений, прозрений, решений, определяющих всю жизнь человека»¹³, в том числе и страшные кровавые события, описываемые в татарских прозаических произведениях 20-30-х годов XX века.

Третья глава «Формы субъективного (перцептуального) времени и пространства в произведениях татарской прозы 1920-1930 годов» посвящена рассмотрению проблемы использования авторами видов перцептуального хронотопа. Как известно, перцептуальный хронотоп, являющийся субъективным временем и пространством, зависит от происходящих с героями литературных произведений психологических процессов, и выступает в форме художественного образа, определяя внешний и внутренний опыт субъекта¹⁴.

Несмотря на тот факт, что перцептуальный хронотоп больше характерен для романтической литературы 20-30-х годов XX века и сравнительно мало используется в произведениях реалистического характера, в произведениях данного периода наблюдается использование таких перцептуальных хронотопов как воспоминания, размышления, видения, мечтания, сновидения, бред героев.

В первом параграфе «Особенности использования в произведениях татарской прозы 20-30-х годов перцептуального хронотопа воспоминаний, размышлений, мечтаний, видений» рассматриваются перцептуальные хронотопы воспоминаний, размышлений, видений, мечтаний героев. Одна из распространенных форм перцептуального времени и пространства в произведениях татарской прозы изучаемого периода – воспоминание дает возможность совершить экскурс в прошлое. «Воспоминание – преодоление сиюминутного времени, выпадение из безостановочного времени, оно «растягивает» в произведении реальное

---

¹³ Бахтин, С. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: исслед. разных лет / М.М.Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 397.

¹⁴ Зобов Р.А. Мостепаненко А.М. О типологии пространственных отношений в сфере искусства / Р.А.Зобов, А.М. Мостепаненко //Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Ленинград: Наука, 1974. – С. 14.

сиюминутное время, но восстанавливает движение в прошлом. А конкретные картины и образы иллюстрируют это движение времени, эту временную протяженность»¹⁵. Данное утверждение приводит к выводу, что воспоминания литературных героев дают возможность вернуться в прошлое для более глубокого осознания происходящих в современности событий. Так, в дилогии М. Галю «Кровавые знаки», в повести А. Кутуя «Неотосланные письма» воспоминания используются для воспроизведения картин из прошлой жизни героев. Они (воспоминания) помогают не только отобразить чувства и переживания героев, но и понять смысл происходящих в то время событий, определяющихся оппозицией прошлое/настоящее. Способы введения мотива воспоминаний разнообразны. В частности, в повести А. Кутуя «Неотосланные письма» воспоминания представлены в эпистолярной форме.

Перцептуальный хронотоп мечты дает возможность героям повестей Г. Исхаки «Осень», А. Кутуя «Неотосланные письма», романа Г. Ибрагимова «Глубокие корни» жить в перцептивном пространстве и времени, предаваясь мечтаниям о счастливом будущем. Во многих произведениях хронотоп мечты народа о счастливом будущем определяет их трудное положение. Так, мечта о счастливой жизни, «волшебное очарование далекого края» овладело всеми – и стариками и молодыми в романе М. Галю «Мухаджирь».

В произведениях изучаемого периода не раз подчеркивается, что накануне революционных событий рабочие жили мечтой о предстоящих ожесточенных боях. Из этого следует, что перцептуальный хронотоп мечты раскрывает не только характер чувственных переживаний героев, но и выражает их настроения и стремления.

Видения героев не занимают много места в произведениях изучаемого периода, однако в то же время они способствуют раскрытию психологического состояния героев. Так, героиня романа К. Наджми «Весенние ветры» Малика, напуганная предположениями о конце света, о «близкой и неизбежной гибели на земле всего живого», видела черных человекоподобных чудовищ «со страшными мордами, обезьяньими хвостами и шерстью на теле». Эти видения указывают на беспокойное будущее героев произведения.

Видения Нагима – героя романа Ш. Камала «Когда рождается прекрасное» обретают более реалистические черты, хотя также представляли «картины одна страшнее другой». Эти видения только усиливают страшные, тревожные предчувствия героя.

---

¹⁵ Кожемякина Л.И. Пространственно-временная организация рассказов И.А.Бунина «Эпитафия» и «Новая дорога» / Л.И. Кожемякина // Ритм, пространство и время в художественном произведении: тематический сборник научных трудов министерства просвещения Каз. ССР. – Алма-Ата: Казах. пед. институт им. Абая, 1984. – С. 92.

Мухтара – героя романа Ш. Камала «На заре» одолевают мысли, мечты, тревоги, которые смешались «в его голове в один поток». В видениях ему предстает мир, закутанный в покров ночи. Видения этого героя связаны с его настоящим, определяя его состояние неуверенности и безызначности.

Во втором параграфе «Перцептуальный хронотоп сновидений и бреда в татарской прозе 20-30-х годов XX века» рассматривается перцептуальный хронотоп сна, бреда. Сны героев романов К. Наджми «Весенние ветры», Г. Ибрагимова «Наши дни», Ш. Камала «Когда рождается прекрасное» часто становятся формой предвидения тревожного будущего страны. Так, герой романа К. Наджми «Весенние ветры» – Хасан видит путанные сны, среди которых самое отчетливое видение связано с Казанью, которую он видит «шумной, бурливой, огнедышащей». Такое сновидение предсказывает масштабные события, которые в дальнейшем произойдут в городе. В романе Г. Ибрагимова «Наши дни» Даут видит сон «беспокойный, полный тяжелых путаных сновидений». Указывает на будущее и сон Баязита в романе Г. Ибрагимова «Наши дни», который в тюрьме в лихорадке впадает в бредовое состояние. Увиденное во сне указывает на большие перемены в жизни героя, на его трудное положение в дальнейшем. Угроза во сне превращается в угрозу наяву.

Бред героя связан, прежде всего, с его состоянием в период его болезни. Так, в романтической повести Г. Рахима «Идель» состояние бреда Ильяса позволяет раскрыть его физическое и психологическое состояние.

Во время ранения Султан – герой повести Г. Ибрагимова «Красные цветы» попадает в госпиталь, где долгое время проводит в «жарком бреду». Особенностью этих бредовых состояний героя является преследование картин связанных с войной, с революцией. Это наблюдается и в романах Г. Ибрагимова «Наши дни», «Глубокие корни», Ш. Камала «На заре».

В состоянии бреда литературных героев одолевают и страшные картины прошлой жизни. Героиню романов М. Галая «Муть» и «Мухаджиры» Саджиду, заболевшую в Турции тифом, в бреду, как бы подводя итог ее жизни, мучают картины прошлого, все то, что заставляло ее страдать.

Таким образом, перцептуальный хронотоп сна выполняет провидческую функцию, тревожность снов указывает в большинстве случаев на тревожность в жизни страны. Бред – как один из разновидностей сна, используется при описании болезней и ранений героев. Он определяет тяжелое физическое и психологическое состояние героев.

В Заключении работы обобщаются итоги и делаются выводы:

1. Изучение проблемы художественного времени и пространства произведений татарской прозы 20-30-х годов XX века дает возможность более объективного и глубокого осмысления их идейно-эстетических особенностей, представления картины происходящих событий, связанных с революционным переворотом и со становлением советской власти в стране.

2. Историческое время, изображаемое в произведениях изучаемого периода, определяется политическими, общественными и культурными условиями развития страны и выражается посредством семантически окрашенных темпоральных и пространственных оппозиций: прошлое/настоящее, настоящее/будущее, свое/чужое.

3. В системе хронотопов татарской прозы 1920-1930-х гг. существенная роль принадлежит хронотопу дороги, приобретающему значение «большого пути». Жизненный путь героев соотносится с «большим путем» всей страны, что соответствует ценностным ориентирам литературы указанного периода. Вариантами хронотопа дороги в произведениях татарских авторов 1920-1930-х гг. становятся тропинка, переулок.

4. В художественном времени в прозе 20-30-х годов XX века выделяются хронотопы ночи, зари, приобретающие символическое значение. Хронотоп зари наиболее распространен в произведениях татарских писателей. Он становится символом рождения новой жизни, новых идеалов.

5. Среди типов художественного пространства в татарской прозе 1920-1930-х гг. представлены различные формы открытого и замкнутого пространств. Открытое пространство в изучаемых произведениях, обретая символическое значение, составляют такие хронотопические образы как река, лес, луг, степь, сад; замкнутое – дом, комната, лачуга, хибарка, а также специфичные для изучаемого периода хронотопические образы барака, казармы, артели, совхоза, коммуны, тюрьмы.

6. В произведениях периода 20-30-х годов XX века наблюдается использование перцептуальных хронотопов воспоминаний, размышлений, видений, мечтаний, сновидений, бреда героев, становящихся средством раскрытия психологии героев.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора:

В ведущем рецензируемом журнале ВАК:

1. Мухарлямова Г.Н. Художественное время и пространство в произведениях татарской прозы 20-30-х годов XX века / Г.Н. Мухарлямова // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки – Архангельск: Изд. ПоморГУ. – 2010. – № 2. – С. 109-113.

В различных научных журналах и сборниках:

2. Мухарлямова Г.Н. Әдәбият белемдә хронотопны өйрәнү тарихыннан (Из истории изучения хронотопа в литературоведении) / Г.Н. Мухарлямова // Тумашевские чтения: актуальные проблемы тюркологии. Материалы II всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень, 2008. – С. 163-166.

3. Мухарлямова Г.Н. Г.Исхакийның «Көз» повестенда хронотоп бирелеше (Хронотоп в повести Г. Исхаки «Осень») / Г.Н. Мухарлямова // Творчество Г. Исхаки: современный взгляд. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 130-летию со дня рождения Г.Исхаки. – Казань, 2008. – С. 227-232.

4. Мухарлямова Г.Н. Пространственно-временная организация повести А. Кутуя «Неотосланные письма» / Г.Н. Мухарлямова // Татьянин день: Сборник статей и материалов шестой республиканской научно-практической конференции «Литературоведение и эстетика в XXI веке», посвященной памяти Т.А.Геллер. – Вып. 6. – Казань: РИЦ «Школа», 2009. – С. 56-60.

5. Мухарлямова Г.Н. Ә. Еникинең «Вөждан» һәм Г. Кутуйның «Тапшырылмаган хатлар» повестьларында әдәби урын һәм вакыт (Художественное время и пространство в повестях А. Еники «Совесть» и А. Кутуя «Неотосланные письма») / Г.Н. Мухарлямова // Амирхан Еники и татарская литература XX века. – Казань: РИЦ «Школа», 2009. – С. 29-33.

6. Мухарлямова Г.Н. М. Галәүнең «Болганчык еллар», «Мөһажирләр» романнарында юл хронотобы (Хронотоп дороги в романах М. Галая «Муть», «Мухаджиры») / Г.Н. Мухарлямова // Новый век и татарская литература. Руководство для студентов. Сборник второй. – Казань, ТГГПУ, 2009. – С. 51-56.

7. Мухарлямова Г.Н. М. Әмирнең «Агыйдел» повестенда хронотоп бирелеше (Хронотоп в повести М. Амира «Агидель») / Г.Н. Мухарлямова // Новый век и татарская литература. Руководство для студентов. Сборник второй. – Казань, ТГГПУ, 2009. – С. 57-62.

Отпечатано в множительном центре
Института истории АН РТ

Подписано в печать 26.04.2010. Формат 60×84 ¹/₁₆
Тираж 100 экз. Усл. печ. л. 1,25
г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел. 292-95-68, 292-18-09